

Таисия Овская

Маленькое

в трех днях

Таисия Овская
Маленькое. В трех днях

«Издательские решения»

Овская Т.

Маленькое. В трех днях / Т. Овская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909072-0

Всякий человек рождается повелевающим собой. Младенец, только что явившийся на свет, в короткий промежуток между первым вздохом и первым криком успеваеt изменить свое тело от трех до девяти раз...

ISBN 978-5-44-909072-0

© Овская Т.
© Издательские решения

Содержание

день один	6
I	6
II	9
III	11
IV	14
V	17
VI	20
VII	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Маленькое В трех днях

Таисия Овская

© Таисия Овская, 2018

ISBN 978-5-4490-9072-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

день один

*Жил осьминог
Со своей осьминожкой,
И было у них
Осьминожков немножко...*

Э. Успенский

I

Отлично выглядишь, Жизнь. Одета в кожу, зависшая в баре на долгие годы, ловящая кайф на отельной кровати Господь знает с кем – идеальная. Пришедшая в полночь с синевой под глазами, натруженные руки опустившая, ты прекрасна. Отлично выглядишь, когда осторожно прячешь меж пальцев ниточку, ведущую в чье-то сердце...

Пусть электронный с подвыванием перелив расскажет, насколько ты хороша. Пусть звук, похожий на катящуюся бочку – туда, сюда, обратно – нарисует для тебя модный танец, состоящий из прямых линий и причудливых углов. Пусть несуществующий свет прерывистых белых вспышек (представь его, просто представь!) выхватит твою невероятность из темноты и на мгновение отразится в твоих зрачках.

Отлично выглядишь.

...Жаль, не возбуждаешь.

Теплой пленкой ложилась на горло затхлость. С низкого потолка капало. Небрежно смотрев на ладонь белый провод наушников, Айзе поудобнее устроилось на каменном полу и поморщилось от неприятных ощущений пониже спины.

Шел обряд изгнания болезни Взросления.

– Ммать, Айзе, держи его тоже, щас вырвется!

– Неа.

Чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений, оно закинуло ногу на ногу и безразлично покачало носком ботинка.

– Сволочь!

«Пациент» бился в судорогах и плевался пеной. «Целители» раз за разом валили его на камень, упускали и снова ловили, силясь обездвижить. Получалось плохо. Айзе скучало.

– Я тебя полиции сдам!

Ботинок нервически дернулся, но остался в прежнем положении. Общий уровень нелегальности происходящего настолько зашкаливал, что сдать кого-то одного, не побеспокоив остальных, не представлялось возможным.

Несчастная жертва хаотически меняла облики, не в силах остановиться на каком-нибудь одном, словно ребенок в первые минуты жизни. Лицо и шея вытягивались, покрывались морщинами, круглели, лоснились, белели и усыхали, оставляя сантиметры опустевшей дряблой кожи, становились то мужскими, то женскими, отращивали бороду, одновременно теряя кадык, и то и дело пускали по всему телу почти багровые подтеки вздувшихся от нагрузки вен. Крика не было – голосовые связки не успевали установиться.

Бесформенное чудовище оглушительно хрипело.

– Нет ощущения, что это должно происходить по-другому? – издевательски спросило Айзе.

Пострадавшего отпустили. Удерживать его более не было надобности: мертвые не сопротивляются. Только неконтролируемо подергиваются в последних судорогах, но это можно как-нибудь пережить.

– Неловко получил-сь... – почесало затылок Ино.

– Как ты еще не умерло от неловкости. – мрачно хмыкнуло Айзе. – Просто признайте, что это фиговый стартап, и прекратите перевыполнять план больницы по похоронам.

– Да ано бы все равно да канца квартала не дажиило. – отмахнулось Атилла.

– Какая те вообще разница? Заплатили и радуйся. – поддержало его Ино.

– Ну интересно же! – возмутилось Айзе. – Еще три трупа назад у этой идеи был шанс.

– И все еще есть.

Айзе покачало головой.

– Нет, ребята. Извините, но мне «качели» достаются не так легко, чтобы раздавать их вот так, в никуда – у меня на них очередь. Да и вам скоро станет не на что закупаться.

Оба провинившихся изрядно занервничали, но не стали спорить: с одной стороны, с поставщиком наркотиков дискуссии никогда не прокатывали, а с другой – все-таки немного беспокоила собственная совесть.

– Кроме того, – безжалостно добавило Айзе. – неровен час, и правда в полицию пойдете. Ну вас к черту.

С этими словами, неловко распутывая скомканные в кулаке наушники, оно развернулось и быстрым шагом покинуло подвал.

И без того есть чем заняться.

В коридорах психиатрички было мёрзленько. Несмотря на то, что высоко под потолком краска облупилась от постоянной легкой сырости, стены казались белоопрятными, как в квартире аккуратной польской пани. Айзе хмурилось и жало плечами в попытке защититься от промозглого воздуха, но плоть все равно покалывало словно бы изнутри. Остановившись ненадолго посреди коридора, оно прикрыло глаза, сосредоточилось и естественным движением мысли нарастило во всех уязвимых местах плотную жировую прослойку.

Кожа плотно натянулась и слегка пошла стриями. Айзе сильно мягко выдохнуло, и растяжки сгладились. Что ж, в ходе трансформации его тело все равно изрядно потеряло в привлекательности, дело ясное, но ведь измениться обратно – секунда дела, а меж тем жить в нем стало чуточку теплее и уютнее.

Вдруг из-за угла раздался крик:

НЕ ХОЧУ НИКОГДА БЫТЬ ДЕВЧОНКОЙ.

Именно так это и прозвучало: капслоком и с точкой, как если бы невидимый оратор не вопил, не утверждал, не доказывал и не выплевывал свой странный тезис из глубины души, а просто очень громко сообщал его окружающим. Причем, возможно, под своей аудиторией подразумевал в основном прохожих в разбитом вокруг больницы парке. Окна были открыты; оттуда в сырую стылость растекался горячий майский запах. Снаружи было слышно каждое слово, сказанное внутри.

Быть адресатом этого сообщения не хотелось; не сбавляя скорости, Айзе удлинило свои ноги (потолок стремительно летел ему навстречу), после чего сменило направление движения, переступило через подоконник, неловко все-таки споткнувшись (поди-ка сладь с ногами, когда кроссовок жмет на шесть размеров), и свободно вышло в парк, оставив позади растерянный скрип оконных створов.

Хорошо быть умным, и хорошо, когда на первом этаже нет решеток на окнах.

Охнув от резкой боли в коленях, Айзе поспешило вернуть ногам прежнюю форму. Его фантазия позволяла пользоваться природными особенностями напропалую, избегая с их помощью самых различных дискомфортных ситуаций, но по сей день ему никак не удавалось изменить свое тело аккуратно и незамедлительно. Всякая блестящая идея требовала при воплощении либо времени, либо терпения.

– Ну ничего, мои ноженьки. – обратилось к ним Айзе. – Сейчас спустимся в метро, тогда и подлатаемся.

Ноги были сдержанны. Ничем не выдавая своего отношения к подобной заботе, они безмолвно и согласно задвигались, заиграли ноющими от внезапных растяжек и утяжек связками – в сторону подземки.

II

Незнакомец на длинных ногах стянулся обратно до человеческих пропорций, небрежно отряхнул брюки, постоял несколько секунд, пошатываясь на неустойчивых от резкого Изменения коленях, и неспешно зашагал к воротам. Рукка проводила его завистливым взглядом (и понадеялась, что выглядит достаточно драматично). Она бы убила за возможность снова управлять своим телом так же легко, как дышать.

...Хотя бы на минуточку.

– Не хочу быть девчонкой. – обиженно повторила она кому-то.

– Ты твердишь про это больше месяца. – снаружи мимо окна прогулочным режимным шагом проплыл алкоголик в ремиссии. – Все уже поняли.

Темная джинсовая куртка незнакомца мелькнула меж деревьев в последний раз и пропала. Рукка резко отвернулась и тут же схватилась за стену. Непривычная пустота отдавалась во всем теле, сбивала с мысли, мешала двигаться.

Сознание *должно* быть наполнено информацией о теле, родностью каждой клеточки.

Маленькая доля внимания всегда обязана быть сосредоточена на том, как ты сделан, так привычно и естественно, очевидно с рождения или даже раньше.

Отсутствие себя с ней уже целый месяц – и будет невыносимо до конца времен.

В конце коридора показались санитары Ино и Атилла. В отличие от длинноногого незнакомца, они уже не имели никакой возможности избежать встречи с Руккой.

Увидев ее, с низко опущенной головой, больную и потерянную, они переглянулись, замялись, заметно потеряли в росте и ширине. Вместо обычных широкоплечих ребят, привычных к физической работе, к ней приблизились два существа, более всего похожих на синеватый дымок от костра.

– Идем? – сипнула Рукка, заранее зная ответ.

– Ты прасти, – развело руками Атилла. – Мы уж все для тебя приготовили, но... Эмм...

У нее закружилась голова. Почему все пошло не так? Почему они медлят сказать ей?

– Т» знаешь, – вмешалось Ино. – Мы можем очень многое, видит Бог, но в атлеты не нанимались. Продавец нагрел нас с лекарством. Просто пришел, отказался его отдавать и свалил. Ну ты представляешь?

– А в чем смысл? – недоуменно нахмурилась Рукка.

– Т'к мы заказ с сайта при продавце всегда оплачиваем, а потом т'льк товар получаем...

Так вот почему незнакомец на длинных ногах вышел от нее в окно... Не хотел лишних свидетелей?

Возникло ужасающее чувство оборванности, когда ты мгновенно – готов или нет – теряешь все, кроме собственных мыслей, словно без щелчка и вспышки гаснет свет. На одно неуловимое мгновение – нет зрения, нет ощущений, нет понимания, что произошло. Как если бы прямо под поездом быстро и мягко сдвинулись стрелки на рельсах – и теперь он катится, так же ровно, по-прежнему исправный, но по совсем другой дороге, пробуждая в пассажирах первобытный смутный ужас *ошибки*.

Это чувство волнами возвращалось к ней снова и снова, пока не привело сюда.

Это чувство было Определением.

Рукка начала сползать по стене. Ни Ино, ни Атилла не подхватили ее: слишком много времени и сил требовалось, чтобы в одночасье Измениться из того, во что они себя уже превратили, в то, чего требовали от них должностные обязанности.

– Вези фиговину! – спешно бросило Атилла, а само, сжавшись еще сильнее (съежиться всегда легче, чем разрастись), село Рукке под бок на холодном кафеле, имитируя опору.

Ино, с трудом налегая на поручень, прикатило каталку, которую могло бы в иных обстоятельствах таскать за собой легко, как грузовичок на веревочке. Атилла перекинуло руку пациентки через свое плечо и попыталось встать вместе с ней, используя почти нетронутые Изменением ноги, но не учло деградации мышц живота и спины.

– Блин, ну п'чему нельзя было нормально код на фичу прописать, Эв'люция? – хмыкнуло Ино, наблюдая, как Атилла пытается выползти из-под тяжелого расслабленного тела Рукки. – Вот з'чем было запариваться с биологическим механизмом изменения формы, если им нормально пользоваться невозможно?

– Еще как возможно.

Из-за угла со стороны главного входа вычёртилась худая глазастая заведующая отделением, и санитары обреченно завздохали. Все, миссия провалена.

– И чего стоим? – поинтересовалось высокое начальство. – Изменяться разучились?

Поколебавшись, Атилла все-таки осторожно высвободилось, село на полу, протянув вперед ноги, неловко уложило на них Рукку и ответило, старательно пряча глаза:

– Не рассчитали силы, та-Раида.

– Силы они не рассчитали. – вздохнула Раида. – Как лебезить и «та-» разбрасываться, так силы всегда находятся.

На глазах у пристыженных подчиненных она наклонилась, примерилась и, натужно квакнув, подняла пациентку на руках, чтобы тут же уложить на каталку – не сказать, чтобы очень нежно.

– Везите в палату. И на ключ. Можете оставить записку или вроде того, что я зайду к ней лично.

Ино и Атилла безмолвно подчинились. Естественно, сегодня был не их день. Если еще и труп найдут в подвале раньше времени...

– А силы брать надо из ушей. – напутствовала их та-Раида.

Они не обернулись и ничего не поняли.

И Рукка тоже ничего не понимала. В голове у нее плавал теплый, серый мыльный туман, а из тумана ржаво выскрипывались какие-то плохо осознаваемые слова.

«Прописать, Эв'люция»

«Силы, силы, силы»

«Силы надо брать из ушей»

– Вла́на. – бесконтрольно, четко, ясно и – в своей манере – с очевидной точкой крикнула она и дернулась почти так же неестественно, как способны дергаться одни только неопределившиеся подростки, которым не страшно исказить свое тело. Атилла едва успело удержать ее.

– Вот уж... Пом'ни черта. – проворчало Ино.

– А откуда ана вабще его знает? – удивилось Атилла.

– Да кто его не знает. Про уши от Раиды слышало? Влана так всегда и говорит. Кто у кого стрельнул? Вопрос.

– А в смысле – из ушей?..

– Я не знаю.

Мысль Рукки, ухватившись за знакомое имя, вцепилась намертво в неотвязные голоса, закружилась образом пылающего кольца, в котором неразрывно катится бесконечное, неугаемое «Янезна-юнезна-юнезна-юнезна...»

На губах нарастал слой цемента без трещин.

«Совсем отупели. – не нарушая целостности корки, заметила она. – Ушные мышцы же... Рудимент».

III

Логотип ресторана «Тарар» за большие деньги придумал странный тип, который считал, что Определение – это тотальная болезнь наподобие чумы. Когда Марса в свое время попросили проконтролировать этот процесс и вообще «договориться», он поступил дипломатично: надел пиджак не своего размера и сказал при встрече дизайнеру, что буквально только что Изменялся по небольшой надобности, но скорректироваться обратно до означенных одеждой габаритов пока не хватает сил. Тип сочувствующе покачал головой и сделал свою работу четко в сроки. Мелочь – а ведь влияет же!

– Какую мелочь я должен учесть сегодня? – спросил он сам себя.

Была суббота, вечерело. Ресторан напевал прохожим белый джаз. Нет ничего проще, чем испортить вечер, не соотнеся репертуар с имеющимися Голосами, и Марс по праву мог собой гордиться: при нем «Тарар» таких осечек не давал.

Распорядитель вечеров любил музыку. Он знал ее неотделимой от движения, от стиля и рисунка, и как музыка в его сознании порождала в мельчайших деталях конкретный образ, так и всякий образ непременно порождал определенного вида мелодию.

Как следствие, непосредственное всего его любовь выражалась в манере одеваться.

Марс делал вальяжные шаги туда-обратно перед зеркалом, пытаясь боковым зрением поймать свое отражение и понять, какое впечатление он произведет на гостей в зале. Новый кардиган был маловат, сидел не идеально, и слишком широкая грудная клетка, несмотря на стать и плотность тела, создавала впечатление неприятной полноты. А может, несколько упавшее в последние годы зрение сделало свое дело. Будь Марс моложе, он бы, конечно, решил эту проблему небольшим усилием мысли, но Определение давно миновало, и приходилось мириться со своим телом (собственномысленно выбранным!) какими-то иными способами.

Он взял со столика чью-то белую атласную ленту и несколько маленьких булавок, а затем аккуратно приколол это все слегка волнистой линией на кардиган в районе талии. Общий вид существенно улучшился, и Марс обозначил свое приподнятое настроение, взяв с этого же столика белую искусственную розу для петлицы. Цветок словно ожил на мгновение в его руках, шевельнулся, перекатился в пальцах и утих, надежно укрепленный на лацкане кардигана.

В гримерку широкими шагами ворвалось Айзе и бесцеремонно подвинуло распорядителя в сторону, освобождая место перед зеркалом.

– Достали занимать мое место. – заявило оно, спешно отрачивая русые волосы. – Зеркал мало, что ли?

– Ты сегодня рано. – завалировал свое недовольство Марс.

– Да потому что это кретинское Цинна сейчас приедет и займет нафиг всю гримерку. – спорить было не о чем; за третьим Голосом и впрямь водился такой грех. – Тебя там клиент скандалит, кстати, иди спасай официантов. Где мой цветок опять?!

– Не знаю. – непроницаемо хмыкнул Марс и, поправив розу в петлице, развернулся было к выходу, но вдруг его рука ясно ощутила, как цветок задержался и пополз холодным гибким стеблем по пальцам.

Опустив взгляд, он увидел у себя на ладони крохотную черную змейку.

Через дверь (и довольно длинный коридор за нею) начали постепенно просачиваться звуки скандала в зале.

– Предупреди Хблле, что я внес ему выговор в карточку. – попросил Марс. Животных он любил не меньше музыки, поэтому змею не убил и не выбросил, а спешно сунул в коробочку с кольцами и поставил на трельяж.

Айзе мельком глянуло на «сюрприз» и нервно рассмеялось.

– Засунь свои угрозы себе в задницу. Нечего было лезть в мои вещи, а я претензий к Холле не имею.

– А если она ядовитая? – уже на полпути к двери уточнил через плечо Марс.

– Городские... – негромко вздохнуло Айзе и крикнуло ему вслед:

– Это ўжик, чтоб ты знал!

Марс почти не уловил смысла последней фразы. Для него ситуация уже закончилась, и интерес моментально забылся – пора было переходить к новому эпизоду.

– та-Мааар», – жалобно позвал его официант у входа в зал, прячась от чего-то за широким подносом. – где вы были все это время? Оно там сейчас всех загрызет.

– Не ваше дело. – по инерции нахмурился Марс, демонстративно четко выговаривая согласные. Речевая культура современной молодежи его напрягала. – В чем суть претензии?

– ...Оно не подпускает к себе Определившихся.

Удивление быстро сменилось принятием. Что ж, у всех свои тараканы, и точно таких же Марс уже однажды встречал. В этих обстоятельствах поджимающий кардиган был как нельзя более кстати.

Он плавной походкой вошел в основной зал, с вежливой улыбкой закивал немногочисленным гостям. Дебошира было видно издалека: посредственно одетый Средний сидел за столиком у окна, отодвинув меню и бутылку с питьевой водой как можно дальше от себя, и мрачно набирал какой-то длинный меседж на смартфоне. Весьма вероятно, гневный пост для соцсети. Двигаясь к нему, Марс успел уделить секундочку внимания по меньшей мере трем столикам по пути, осторожно выясняя градус накала обстановки и по возможности разряжая ее.

– Чем я могу помочь? – заранее улыбаясь пошире, спросил он беспокойного гостя, и тот поднял голову, откидывая с лица темную косую челку.

...О.

– И вы? – без гнева, скорбно воскликнуло Влана.

Марс не почувствовал растерянности, но несколько застопорился, выбирая из множества возможных реакций единственно правильную. В самом деле, Изменения никогда не возвращают Среднего в точно то же состояние, что он уже однажды принимал, потому что невозможно воссоздать раз сформированный облик в деталях, но голос, который людям менять неизменно лениво, форма глаз, на которую никто не обращает внимания, характерная мимика, которую случайно не подделаешь...

Он мгновенно решил не врать одному и тому же человеку дважды.

– И я. – честно признался Марс. – Зашли проведать свой логотип?

– Да просто мимо проходило. – Влана без особого восторга помотало головой. – Вспомнило, что когда-то что-то сюда рисовало. Обычно, – тут в его голосе мелькнул упрек. – обычно я стараюсь из всех вариантов предпочесть своих клиентов.

Марс ничем не выдал своих мыслей, а были они одновременно раздраженными – что за неошовинизм, в самом деле? в обществе бесконечного разнообразия живем, между прочим. – и веселыми, потому что случайные встречи нравились ему ничуть не меньше музыки и животных. Влана же, почувствовав дозволение, быстро начало заводиться по новой.

– Так значит, та-Марс, – заговорило оно, подглядывая в текст недобитого поста на экранчике. – ваша администрация действительно из тех психов, что допускают больных людей до общепита?

– От лица дирекции приносим свои извинения, та-Влана, но Определение никак не задокументировано в Международной классификации болезней и даже давным-давно отсюда исключено.

– А напрасно! – взвилось Влана. – Вы почитайте труды уважаемых ученых, и директору дайте почитать, чтобы стало понятнее, наконец, как человек вообще устроен! Дарзену, Марь-хофа прочтите! Лекции та-Зару послушайте, в конце концов!

– Непременно ознакомимся, но зачем же кричать?

– Да затем, что вы все тут отравленные! – Влана поспешно огляделась в поисках поддержки, но, к его досаде, более двух третей присутствующих были Взрослыми, и все они небрежительно отвергали его речь, как нечто, не заслуживающее ни минуты их внимания.

Марс протянул руку, собираясь вызвать охрану и попросить идеолога покинуть заведение.

Словно повинувшись его жесту, входная дверь отворилась с нежным перезвоном, и, привычно реагируя на «музыку ветра» над порогом, он краем глаза отметил, что в ресторан ворвалось Цинна (опять через парадные двери, просил же!). Прямо на ходу, ловя на себе восхищенные взгляды, оно на грани неприличного меняло форму с соблазнительной мужской на еще более соблазнительную женскую, и выбранная специально именно с таким расчетом одежда легко подстраивалась под новые изгибы и округлости. Убедившись, что все помыслы гостей на время принадлежат ему, тщеславное создание скрылось в служебном коридоре, и несколько секунд в зале пела задумчивая тишина, вроде той, что устанавливается, когда луч солнца прячется за тучи.

Подобные представления происходили здесь регулярно, что приносило Цинне популярность, а «Тарару» – неплохую прибыль.

Не без интереса Марс обнаружил, что Влана ведется на такие штучки, как ребенок на красивую игрушку.

– Что же, среди персонала есть и здоровые? – чуть потерянно заметило оно.

– Наш певческий состав. – старательно обходя вопрос терминологии, учтиво кивнул он. – Вы сможете остаться на их вечер, если согласитесь примириться с обслуживанием.

Влана смерило его скептическим взглядом и для наглядной демонстрации своих эмоций перекрасило волосы в красный цвет. Фигура его странным образом искривилась, создавая на спине небольшой горб, а центральные резцы удлинились на крысиный манер. На щеке возникла бородавка. Марсу оставалось позавидовать: он и в юные годы не был способен управлять телом столь подробно.

Влана же тихо рассмеялось и отправилось восвояси.

Со стороны гримерки раздался отдаленный, приглушенный длинный визг и низкий хохот Айзе.

Удивленный Марс прислушался и не без труда различил:

– Ах, и достали вы лезть в мои вещи!

IV

Человек так устроен, что от громких звуков у него болит голова. Айзе плохо представляло, какие конкретно процессы при этом протекают, и ленилось искать информацию в интернете, и поэтому не имело никакой возможности исправить это досадное природное недоразумение.

– Ну как, как ты умрешь? – в сотый раз воззвало оно к голосу разума. – Он даже кожу тебе не прокусил.

– Меня укусила змея-а-а-а! – чистым сопрано вывело Цинна, раскачиваясь на стуле влево-вправо.

– Таки светит Холле выговор. – констатировало Айзе и покинуло гримерку с ужином на руках.

Ведь должен быть предел у человека?

То трупы, то психи, то змеи, как в инферне живешь!

Смеяться больше не хотелось. Мигренило. Чудовищное ощущение ежесекундного ожидания бесшумно надавило меж ключиц.

Из гримерки мерно гремело вещами об пол.

Се оскорбившийся артист рачительно алкал участия.

Марс все не шел: удержать зал в порядке считал приоритетом. Айзе медленно пересекло коридор и осторожно заглянуло через щель промеж занавесок в общий зал.

Вечер еще не распустился: столики большей частью пустовали. Официанты работали вполсилы, бар инвентаризировал сиропы, изредка прерываясь, чтобы сварить кофе или смешать коктейль. Молодая мать в детской зоне спокойно полоскала мозг своему Младшему лет пяти-шести на вид:

– Общество устроено таким образом, что мы стараемся не Изменяться на публике.

– Почему? Все же знают, что мы так умеем. – обижался ребенок.

– А ты представь себе, каково людям, которые находятся рядом: только что был один человек, а потом вдруг, чуть обернешься – совсем другой. Так же с ума сойти можно!

– Но они же знают, что я просто Изменилось! – упрямый малыш сделал огромные глаза, почти закрывшие нос, и моментально отрастил буйную кудрявую гриву, стремясь сделать себя как можно более крупным и значимым, придать своим словам вес; Айзе невольно фыркнуло от смеха.

– Мы вообще много чего знаем. – философски согласилась мама. – Например, зачем человек заходит в туалет. Но ведь необязательно демонстрировать каждому, зачем именно ты ходишь в туалет?

– Фу. – Младшее тут же съежилось обратно, вывернулось из ее рук и убежало на игровую площадку.

– И правда, – тихо сказало вслух Айзе. – чего с ними разговаривать, с этими Взрослыми?

Марс между тем торчал у окна, бессмысленно созерцая бесконечный человеческий поток на улице. Возможно, обдумывал какую-то сложную сделку на благо «Тарара», а мог и попросту залипнуть на время.

Айзе тихо вернулось к дверям гримерки. Глухих ударов мебели об пол и стены больше не слышалось, но и рыданий тоже.

Цинна всегда было тем самым человеком, которому нет особой разницы, видят ли его в туалете. Они все здесь не отличались внимательным отношением к окружающим, но только Цинна обладало даром плевать *совсем* на всех, кроме себя. От него не стоило ждать ни снисхождения, ни тем более прощения.

Будем играть вдвоем, Цинна?

Войдя и первым взглядом оценив масштаб разрушений – разбитые зеркала, опрокинутые флаконы, растоптанные ногами тюбики с косметикой, – Айзе поморщилось.

– Ну что, киса? – спросило оно вслух. – Будем успокаиваться?

– Само кошачье. – огрызнулось Цинна, но без запала. Энергия ушла. Опасность миновала. Айзе невозмутимо переступило через осколки на полу и достало из шкафчика бокал и бутылку вина. В особом кармашке на липучке в рукаве лежал последний пакетик с мелкой фиолетовой пылью.

– Мур, ты такая прелесть. – моментально успокоилось пострадавшее, принимая из его рук наполненный бокал.

Пристальный взгляд Айзе ни на миг не отрывался от его искусственно красивого лица. Пугающие ровные, без складочки губы вытянулись. Красное вино проблеснуло фиолетовым отсветом, невесомо пролетело (промелькнуло) (пролилось) по мостику прозрачного стекла.

– Горьковато.

Five.

Six.

Five, six, seven, eight.

Губы без складочек резко пожухли. Взгляд пурпурных глаз застыл, словно Цинна увидело чуть слева от себя нечто, сковавшее его ужасом. Руки расслабились и застыли, как у спящего. Плечи опустились.

Внезапно все тело Голоса содрогнулось, и с него ключьями пополз облик. Прямые платиновые волосы растрепались, по ним растеклась желтоватая рыжина; глаза – поголубели, на губах образовались морщинки, а нос покрылся порами и увеличился в размерах.

– И даже парень. – не без удивления отметило Айзе.

Тело Цинны действительно обрело мужскую форму – не слишком крупного, обычного парня со стройными ногами и небольшим жирком на животе (а потому что нечего десерты недоеденные с кухни таскать, примадонна!).

Айзе неторопливо поставило на место перевернутый пуфик, село, опершись локтями о колени, а подбородком – на ладонь.

Оно бы никогда не признало вслух, что продолжает свой опасный бизнес в том числе потому, что ему просто нравится наблюдать за людьми под порошком. Не тогда, когда они умирают в мучениях, конечно – то Взрослые, что с них взять. А тогда, когда просто останавливаются ненадолго и возвращаются в единственно возможную, первую от рождения форму. Без наркотика ее и не вспомнишь; без него в нее не возвратишься.

Неясен человек: покидая утробу, он остается собой не более трети секунды, а затем, бесконечно Изменяясь, теряется навсегда. Кто это придумал? Что имел в виду?

Кто-то, потерянный столь же безвозвратно?

Или тот, кто желал бы себя потерять?

Так они сидели и смотрели: Айзе – на Цинну, а Цинна – куда-то слегка в сторону.

Вернулся Марс.

– Странный натюрморт. – невозмутимо заметил он. – Киса, подписывай претензию за змею. Мне сегодня еще акт по ней писать.

Цинна никак не отреагировало и даже не моргнуло.

– Какую еще змею? – Айзе неохотно оторвалось от созерцания и перевело взгляд на распорядителя; спина у него распрямилась, ладони легли на колени, как у примерного школьника. – Не видишь, что ли? Оно же накидалось какой-то дрянью.

Марс обогнул россыпь осколков на полу, окольной дорогой подобрался к Голосам и не без удивления склонился над Цинной.

Никаких признаков жизни.

Что происходит в твоей голове, о, несчастный?..

Пользуясь случаем, Айзе цепко осмотрелось по сторонам.

– Оно никогда так не делало. – растерянно сказал Марс.

– Всякое случается. Мало ли, может, разругалось с кем-то.

Распорядитель поджал губы.

– Я прекрасно слышал, что оно залезло в твои вещи. Если это яд змеи так подействовал...

– Я тебе речию человеческой вещаю: это долбаный неядовитый уж! – перебило Айзе.

– ...Если окажется, что вы с... ужом имеете к этому какое-то отношение, – терпеливо продолжил Марс. – я вас покрывать не стану.

Вспомнив поведение Младшего в зале, Айзе ухмыльнулось и отрастило себе буйную шевелюру в знак оскорбленности.

– Конечно, я ругалось за вещи. – согласилось оно. – Эта сволочь влетела сюда в неадекватате, вылила весь свой крем на пальто, чтобы «почистить» его, поняла, что сделала что-то не то, и взяла мой. И вылила его на пальто. А свой с пальто собрала и намазала на свое отражение в зеркале. Это было смешно, но вообще-то бесит.

Распорядитель окинул взглядом результаты разрушений. Действительно, у разбитого трильяжа лежало густо заляпанное разноцветными тонами летнее пальто – тот, что посветлее, был широко размазан по ткани, а второй практически нетронут. Пятна крема виднелись и на осколках.

– Ну хорошо. А уж-то где?

Айзе молча вынуло из внутреннего кармана свободной джинсовой куртки искусственную розу, в лепестках которой копошилась черная змейка.

– Больше похоже на червяка. – вынес вердикт Марс. – Но унеси его куда-нибудь подальше. Немедленно.

Когда первый Голос нехотя поднялся и потянулся, собираясь выйти ненадолго на задний двор и заодно выполнить приказ начальства, распорядитель негромко добавил:

– Легенда хороша, но даже под наркотиками Цинна не схватило бы твой тональный крем. Он слишком темный.

Айзе не сдержало досадливой гримасы: уголки губ сильно и резко опустились, затем столь же стремительно вернулись на место.

– Тем не менее. – ответило оно. – Факт употребления налицо. Если не предполагать, что это я Цинну накачало... А ты этого, надеюсь, не предполагаешь...

Марс не ответил. Вздохнув, Айзе прошло мимо него прямо по хрустящим под ногами кусочкам стекла.

Пусть Цинна выкручивается, как хочет.

По крайней мере, Холле теперь в безопасности.

V

Было темно, тепло и тяжело. В плечах и груди разливалось сладкое удовольствие бездействия. «Давно нужно было так отдохнуть» – подумал Руккас и покрепче завернулся в мягкое объемное одеяло.

Не было сил открыть глаза.

Незнакомые автономные системы организма говорили, что еще день, и он проспал всего несколько часов: вокруг неуловимым образом ощущалось размеренное повседневное движение. Как это работает? Запах света? Энергии? Звуки, слившиеся в неразличимый фон, воспринятый и обработанный подсознанием? Будь его тело по-прежнему покорным и родным до последней клеточки, оно не сообщало бы ему то, о чем он не спрашивал.

И не было бы *ее* телом.

Руккас почувствовал неконтролируемый прилив нервной, взбудораженно трепещущей ярости, и сам не сразу понял, о чем злится.

Ты гребаная, мать твою, женщина, чувак.

И ты Взрослый.

Нет никакого смысла кричать, рыдать, требовать. Ошибка фатальна, ошибка летальна. Избавление – смерть.

Последняя мысль отрезвляла. Странный, явно неправильно сформировавшийся при Определении мозг уцепился за нее и усилием столь мощным, что почти незаметным, вырвался из порочного круга выжирающих изнутри черных эмоций.

– Рано умирать. – сказал себе Руккас. – Еще не все вино выпито...

Справившись с *ней*, с этой истеричной дурой, которая поставила себе целью угробить их обоих, он открыл глаза; веки даже не слипались.

Окно было неплотно закрыто чем-то тонким и твердым, обитым хлопковой тканью – походило на кусок фанеры, хотя проверять не хотелось. Сквозь широкие зазоры между фанерой и оконной рамой пробивались и с нажимом упирались в дверь напротив мощные круглые лучи послеполуденного солнца. В контрасте света и тени желтые стены казались голубоватыми, и можно было ненадолго представить, что это всего лишь санаторий или типа того.

Снова поймав себя на попытке закрыться от реальности картонными щитами иллюзий, Руккас закусил губу и попытался по привычке наказать себя запуском усиленного заряда по нервам. Не вышло.

Раздался звон ключей и скрежет отпираемого замка. Дверь открылась, ненадолго впустив чью-то легкую чистую песенку из коридора. В палату по-хозяйски спокойно вошла та-Раида.

Руккас отвернулся. Разговаривать с этой женщиной он не мог: у них были разные представления о цели терапии. Он хотел вернуться в разопределенное состояние и сделать свой выбор заново, без ошибки. Она хотела, чтобы он смирился с тем, что произошло.

– Полегчало? – устало спросила она.

– Как видите.

Заведующая переставила поближе к его постели жесткий стул, стоявший у окна, и села, как-то резко потеряв свою строгую геометрическую форму. Оказалось, что на самом деле у нее кривая спина и слишком сухие, с крупными венами под тонкой кожей, руки.

– Вы стареете. – сказал Раиде Руккас, не заботясь об этике.

– Постареешь и ты. – не без лукавства хмыкнула та. – Скоро на стенку полезешь от советов, как бы поскорее выйти замуж, пока не состарилась. Здесь, за рубежом Определения, время движется... Не так, как раньше, милая.

– Я не женщина.

– Извини, но у тебя есть половые признаки, определенные наборы хромосом и гормонов, и нет никакой возможности их изменить. – она снова вздохнула устало; ей тоже давно надоел диалог на одной ноте. – Медицина в этом вопросе единогласна: ты – женщина, Рукка, и это не плохо.

Руккас внимательно посмотрел на нее. Этот разговор действительно происходил ежедневно, и реплики в нем менялись крайне незначительным образом, а новые аргументы неизменно оказывались и без того очевидными оппоненту и уже им отвергнутыми. Просто прокрутив в голове очередной цикл – а он не особенно сопротивлялся лечению и поначалу даже охотно участвовал в дискуссии, – он снова осознал, что беседа раз за разом приходит в один и тот же тупик, и сегодня придет туда снова. Не помогут тут ни гормональные препараты, ни интенсивная терапия. Не говоря ни слова, зная, что собеседница тоже все хорошо понимает, он отвернулся к стене.

У Раиды тоже был плохой день. Безмолвно согласившись с его категорическим выводом, она поднялась со стула. Какой-то небольшой твердый предмет смазанно стукнул по деревянному подоконнику.

– Мы на время внесли тебя в группу риска: закрыли палату и заблокировали телефон. Ты сможешь звонить только брату. Прогулки конвойные, расписание знаешь.

Руккас подскочил на кровати, как ужаленный, но опытная заведующая уже закрывала дверь палаты снаружи.

Бессильно проглотив потрясение, он вынужденно опустил обратно.

Итак, попытка все исправить номер двенадцать обломалась с треском. Описание эффекта «качелей» на сайте выглядело так, словно именно это ему и нужно, однако продавец оказался мошенником. Можно было бы натравить на него полицейских – все равно пациенту психушки терять нечего, – но альтернативных источников непопулярного наркотика нет. Почему он, интересно, непопулярный? Он вообще существует? Там было море отзывов, и все разные – по стилю, содержанию, оценке. В том числе и отрицательные: на кого-то не действовало, на кого-то действовало слишком слабо; кто-то, раз пережив эффект, зарекался когда-либо заигрывать с природой снова. Как же надо было постараться, чтобы подделать все это.

С другой стороны, речь шла о талантливом человеке с фантазией. О человеке, который притащил незаконное вещество не куда-нибудь, а прямо в больницу, взял за него деньги и ушел непойманным.

Но, может быть, он знает хотя бы, где взять «качели» на самом деле. Других вариантов все равно больше нет. Нужно именно это лекарство. Если есть хотя бы крохотный шанс...

На подоконнике зажужжал-затрясся телефон. Рефлекторно вздрогнув, Руккас попытался дотянуться до него с кровати, но было слишком далеко и высоко. Он потянулся сильнее, уперся пальцами – ладонь уже не доставала – о металлическую защитную пластину холодного радиатора, потянулся вдоль нее вверх. Телефон же тем временем, отчаянно вибрируя, сдвинулся на самый край подоконника, помедлил там мгновение и, наконец, сверзился вниз. Болезненно ударив всей своей тяжестью по пальцам хозяина, он отскочил в сторону, стукнулся об пол и развалился.

Негибкое тело Руккаса, и без того перегруженное акробатическим номером, капитулировало, и он молча рухнул с кровати на пол.

Унизительно!

Полежав еще несколько секунд на прохладном пыльном линолеуме (еще туманило разум недавними приступами), он неловко повел плечами, привычно надеясь, что болезненно потянутые мышцы сами собой восстановятся, позвоночные диски со щелчком встанут на свое место, он снимет с кровати – не упавшие – задранные ноги, встанет и все исправит.

Но что-то в шее неприятно хрустнуло и застыло, лицо болело от удара об пол, а правая рука неестественно подвернулась, и ею никак нельзя было шевельнуть.

«Да ты переломался! – оскорбленно высказала самой себе Рукка. – Переломался, упав с кровати!»

Наверное, не стоило несколько месяцев до Определения лежать бревном на диване в квартире, днем поглощая сериалы, а ночью сходя с ума в муках выбора. И тем более не стоило неделями валяться без движения здесь – уже после.

Делать нечего. Неаккуратно потянувшись левой рукой к прикроватному столику, она с большим трудом дотянулась до деревянного корпуса, с шипением придвинулась ближе, помогая себе плечами и носом, сумела дотянуться до кнопки вызова медперсонала и из последних сил нажала ее.

Та-Раида, не доверяя медсестрам, вернулась так быстро, словно и не отходила от двери.

VI

Марс никогда не считал телефонные гудки. Ожидая ответа на свой звонок, он пускал в оборот бесценные секунды, потерянные в других ситуациях по растерянности или неприятной ошибке: читал документы на подпись, вникал в конфликты персонала и гостей, решал вопросы, отвечал задачи. Тем не менее, в его мобильном были слишком громкие хрипящие динамики; от их звука порой невольно вздрагивали окружающие и оборачивались прохожие. Так телефон вскрывал и вспарывал изнутри его расставленный в своей летучей логике мир плавной эстетики, оставляя ему хоть какой-то контакт с реальностью.

И не было ничего удивительного в том, что, задержавшись рядом с ним в коридоре, Айзе спросило:

– У твоего брата сменился оператор?

– Откуда вывод? – без особого интереса отреагировал Марс, пытаясь удержать одной рукой, свободной от трубки, приоткрытую дверь на кухню для официанта с двумя подносами.

– Всегда до автосброса было двенадцать гудков, а сейчас девять.

Оценив взглядом затруднения распорядителя, оно жестом велело официанту подождать секундочку, подобрало с пола специально на такой случай запасенный брусок и подложило его под дверь. Марс не без облегчения опустил руку.

– Никогда не обращал внимания. – ответил он. – Но номер тот же, и Руккас не предупреждал об изменениях, так что, думаю, просто какой-то сбой.

Айзе пожало плечами и продолжило свой путь.

Провожая его взглядом, Марс запоздало подумал, что его Первый Голос ни за что не стал бы облегчать ему положение, даже когда это не стоит никаких усилий. Что Айзе в весьма прохладных отношениях с Руккасом и не назвало бы его в мужском роде, зная о произошедшем. А еще – что у него сейчас вообще-то выступление в зале, и это прекрасно слышно отсюда; голоса друг друга шкодливые певцы подделывать не умели.

С другой стороны, до сей поры во всем «Тараре» только Айзе имело привычку постоянно слышать, видеть, подсчитывать и находить закономерности.

– Я же просил не мимикрировать, Холле! – почти наугад возмутился Марс и был вознагражден смехом Второго Голоса. – И не опаздывать, кстати, тоже...

«Господи, я же в них двоих не всегда могу разобраться! – с ужасом подумал он про себя. – Как справиться еще и с третьим?»

Он так помрачнел, что повара, мельком взглянув на него через дверной проем, засуетились раза в полтора быстрее. Необходимость в Третьем Голосе повисла над ним неожиданно и тем более неприятно, что расставание с предыдущим прошло не гладко.

И еще даже не совсем прошло.

Цинна, правда, отказалось дорабатывать положенный срок, как отказалось и объяснить, зачем принимать вещества на работе перед сменой. Оно уверяло, что не помнит абсолютно ничего за последние несколько суток, и Марс не мог до конца решить для себя, верить ему или нет. Чувствуя его недоверие, Цинна закатило истерику. Раздраженный распорядитель предложил бланк заявления. Спустя несколько болезненных для обоих минут оно было подписано.

Теперь оставалась самая малость – найти неизвестно где замену. Марс не впервые за последние часы представил себе утомительный и, возможно, бессмысленный кастинг, где каждый второй будет неумело пытаться отредактировать свои голосовые связки так и эдак, пытаясь впечатлить его, и мало кому хватит мозгов догадаться, что свой голос слышится совсем не так же, как его воспринимают окружающие. Почему не очевидна столь простая мысль – чтобы по-настоящему исправить тонкие настройки собственного звука, нужна аппа-

ратура, слух, терпение и очень много сил? Природные же данные, к тому же хорошо обученные, на кастинги по кабакам заглядывают редко.

Это будет длинный день.

Который, между прочим, нужно еще и назначить.

А пока накинуть по пол-смены сверху Айзе и Холле в назидание.

Кому – в назидание? Выкраивать бюджет на сверхурочные все равно ведь ему же...

Неслышно вздохнув, Марс нащупал в кармане пиджака ключ от своего кабинета и двинулся в сторону лестницы.

В руках с ужасающей фальшью захрипел «Starlight» -ом телефон.

– Да, Руккас. – не глядя, ответил распорядитель. Других контактов с этой музыкой у него не было.

– Добрый вечер, та-Марс, – он напрягся, услышав незнакомый голос. – Это лечащий врач Рукки. Ваша сестра сегодня получила несколько травм по неосторожности...

– Травм?

Обычно, чего бы ни касалось личное дело, Марс знал о своей ответственности. Вечер был в разгаре, в VIP-зале гуляли свадьбу, а в общем начинался аншлаг. И все же... Мало думая о сути поступка, он собрался, предупредил надежных людей на кухне, смской оставил Айзе за старшее в гримерке и отправился в путь.

Белый KIA Quoris вез исправно, ровно, и никак не реагировал на беспокойство хозяина. Иногда люди рассказывали Марсу, что их машины могут улыбаться, когда водители счастливы, и чихать мотором раз в квартал, когда все идет наперекосяк; по молодости распорядитель отвечал, что это очень эгоистичные машины, которые умеют только разделять чужие эмоции – нет чтобы утешить, обязательно надо делать еще хуже своим чиханием!

Так или иначе, двухлетний Кворис такими подставами не промышлял. Впрочем, он и не улыбался – либо Марс просто не представлял, как должна выглядеть автомобильная улыбка. Или улыбка светофора. Или, особенно, улыбка здания больницы с психиатрическим отделением. И надеялся, что никогда ничего из этого не узнает.

Чтобы отвлечься, он принялся искать улыбки везде, где только мог зацепиться взглядом. Находить не получалось – получалось только популярно объяснять себе, почему никакой улыбки тут быть не может. Значок метро парит над улицей, меняя цвет с зеленого на красный, а с красного на синий. Отчего ему улыбаться? От бесконечного потока проезжающих мимо машин, в которых сидят люди, пренебрегшие услугами метрополитена? А чем обрадовать рекламный борд? На самом видном месте в нем ошибка дизайнерская, а прямо под ней – орфографическая, и вторую слишком сложно заметить, потому что все внимание уводится к первой, как к петрушке в зубах.

Марс увлекся. Бытие конечно и полно багов. Радость – удел умом скорбных. Как бы человечество ни старалось эволюционировать с полным психологическим комфортом, природе всегда есть обо что его обломать, как вот того велосипедиста, что попытался только что проскользнуть меж двумя рядами к светофору.

Об недостаточную интеллектуальную развитость, ограничивающую способности, зачастую.

Обо что обломалось Рукко, когда потеряло право на собственный выбор? Что могло пойти не так, если человек за полгода до Определения оповестил всех знакомых о том, в каком роде к нему следует обращаться, тщательно выбрал форму тела – вплоть до структуры волос на лобке, чтобы член красиво смотрелся, – и даже дату окончательного перехода в эту форму назначил сам? Говорит – переключило. Просто зажался в процессе от шока – и вот...

От мысли, что подобное могло случиться с кем угодно, у Марса нервно дернулись уголки рта. Его собственное Определение было спонтаннее, он вообще не готовился к нему специально: просто задумался однажды в опере, в голове помутилось слегка от запаха театральной

пыли и звуков музыки, и принятая им для культурного вечера форма ороговела навсегда. Но, по крайней мере, эта форма выражала его в момент наилучшего самоощущения. Было бы это так же безболезненно, сфальшивь случайно в ту секунду оперная дива?

Шашечник слева, сбавь скорость, Марс.

Подрезав Кворис так, что столкновения удалось избежать только резким вилянием в сторону, придурок на желтой бэхе третьей серии молнией промчался мимо и взвизгнул тормозами, едва не сбив мелькнувшего прямо перед его носом байкера. Рыкнув мотором, байкер прибавил газу и свернул на перекрестке, шашечник же, захлебываясь гудком, остановился поперек полосы и, кажется, патетически схватился за волосы. Марс аккуратно обогнул его помятый зад и остановился примерно так, чтобы передние стекла машин оказались на одном уровне.

– Чего надо, Джеймс Бонд? – раздраженно гаркнул на него шашечник. В его машине странно играли тени, и Марсу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что его левая рука, лежащая на руле, действительно меняет формы со страшной скоростью. Только она одна.

– Красный свет вообще-то. – слегка заторможенно отозвался он, не отрывая взгляда от любопытного явления. Обычно уж если Среднее и правда настолько себя не контролирует, то и рябит его всего, полностью.

Шашечник проследил его взгляд, обругался в сердцах и неуклюже полез в карман брюк. Выудив оттуда кожаную перчатку, он стал ждать момента, когда рука станет поменьше размером – в большинстве своих вариаций она в перчатку не вмещалась. Глаза его быстро устали следить за мельканием цветов собственной кожи; он перевел взгляд на зеркало заднего вида, воскликнул еще громче и, позабыв о своей проблеме, спешно стал крутить руль. Обернувшись, Марс хмыкнул: по служебной правой полосе прямо к ним катился узнаваемый стальной ВАЗ автоинспекции.

Пересечение сплошной, грязные номера, «шашки». Плохой день у человека.

И все-таки...

Марс не успел закончить мысль: подавшись назад, злосчастный лихач основательно впечатался крылом ему в заднюю дверь.

– Дурак, что ли? – почти без возмущения спросил в пространство распорядитель.

– Ааа, мать. – как-то безнадежно откликнулся в открытое окно шашечник.

Предчувствуя верную добычу, остановился в своем ряду стальной ВАЗ.

В следующую минуту обидчик Марса, вздохнув, преобразился полностью, и тот не без удивления узнал Влану.

– Я надеялся, что ты все-таки адекват. – заметил он.

– Ну извини. – не без иронии отозвалось Влана.

– Добрый день, господи! – бодро поприветствовал их инспектор.

– Гадыбы... – вздохнул кто-то из водителей, застрявших на заблокированных полтора полосах.

VII

Меньше всего на свете Рукка ожидала, что брат просто возьмет и придет прямо посреди рабочего дня. К железному соблюдению им своих должностных обязанностей она привыкла. Поэтому, когда та-Раида в четвертый раз заглянула в палату с вопросом: «Не заходил еще?», она просто отвернулась (поврежденная шея отозвалась оватненной кодеином болью, а корсет-воротник помешал устроиться удобнее) и не дала себе труда ответить вслух. От «Тарара» до больницы можно было добраться за час по пробкам и за полчаса – по чистой дороге. С момента вызова Марса прошло два сорок. До конца рабочего дня оставалось три часа двадцать минут (если нет ночного банкета), значит, раньше ночи ждать было бессмысленно, а раньше утра – неразумно.

Поэтому, когда дверь в очередной раз отворилась, но вместо медсестер вошел собственной персоной распорядитель вечеров, ей стоило большого труда не списать это на воздействие обезболивающих.

Марс уже зашел было, но вдруг в коридоре снова послышалась чья-то легкая песенка. Когда дверь была закрыта, услышать голос было невозможно, но Рукка нередко улавливала его в те секунды, когда к ней заходили или от нее выходили сестры. Возможно, там стоял радиоприемник, а может, выпускали погулять какого-нибудь мирного пациента – ей никогда не было по-настоящему интересно.

Марс же словно пережил в эту секунду какой-то катарсис.

– Хей. – стремясь в порыве ревности отвлечь его, поздоровалась Рукка.

Брат незамедлительно прошел в палату. Дверь осталась приоткрытой. Голос стал почти неразличим, но все же слышен.

– Странно так. – сказал Марс, не отвечая на собственно приветствие. – Слышал такое когда-нибудь? Полупрозрачно так, желтовато поет. Похоже на... Венок из ромашек. На зеленое поле и на короткое красное платице.

Рукка про себя навскидку сложила желтую краску с зеленой, получившийся оливковый размешала с красным и парой воображаемых кликов мышью установила прозрачность на сорок процентов.

– Я бы сказал, что у тебя золотая ассоциация, – заметила она. – но не могу. Это цвет детской неожиданности.

Марс не улыбнулся. Он редко смеялся, если не брать в расчет эмоции «для клиентов». Рукка только теперь заметила, что он выглядит не как только что из ресторана: расстегнутые манжеты неаккуратно торчали из-под рукавов пиджака, прическа лежала как-то неправильно, словно ее давно не поправляли, а взгляд был уставший, как у человека, который провёл в умственном дискомфорте немало времени.

– Проблемы на работе?

Он опустил на единственный в комнате стул.

– Да нет. Просто кретин один в машину въехал. Все хорошо. – он не дал Рукке задать вопрос. – Он все оплатит, к тому же доехал со мной до сервиса, а потом подкинул сюда. Кретин попался честный. Лучше рассказывай, зачем покалечился? Твой врач намекает на селфхарм.

Покачав головой, она нахмурилась, пытаясь сложить из сегодняшних событий цельную цепочку; мысленно прокрутила ее, чтобы не потерять никаких звеньев в процессе объяснения, тут же предположила вероятную недоуменную реакцию брата, прикинула, как будет доказывать ему, что не обманывает... И поняла, что не хочет произносить ничего из этого вслух. Ни врать, ни говорить правду.

Ничего.

– Не хочу. – озвучила она вслух и сама почувствовала свою знаменитую непреклонную точку в конце.

Марс смотрел на нее и молчал, ожидая продолжения.

– Ну правда, не хочу. – как она ненавидела это идиотское ощущение, это осознание себя психом, который не отвечает за свои слова. Не убитый еще Руккас внутри знал только один способ с этим справиться: перевести разговор в другое русло.

– Слушай. – быстро начал он, перехватывая инициативу от Рукки. – Хрен с ним, с хармом, это просто слишком тупая история, чтобы рассказывать ее без бутылки. Лучше вот что...

– Нет, не хрен, меня сюда вызвали из-за этого!

– Заткнись. Мне нужна твоя помощь, я задолбался с этими сиськами – спать неудобно, а они еще и обвисают, кажется. Так вот. Я нашел препарат, который на какое-то время должен вернуть Взрослому прежние способности. В дипнете его называют «качелями».

Марс поджал губы. В лицо брату он не смотрел – мысли его были заняты исключительно обработкой информации и выбором стратегии поведения. Наблюдая, как его оранжевые глаза стекленеют, бессмысленно блуждая по стене, а спустя считанные секунды в один миг оживают вновь, Руккас постепенно успокаивался: брат заинтересован – дело почти сделано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.